

Невыбранное время, неожиданная судьба

(Из истории российских немцев в г.Котласе и Котласском районе)

«Я - немец, я ведь не скрываю, Но я же человек - понять сумею, Люблю Россию, ей добра желаю Одной и вечной Родине моей!»

В условиях 90-х годов 20 века и начале 21 века в России особо остро выступает проблема построения взаимоотношений между этническими общностями. Современное российское государство, как и другие государства, ставшие самостоятельными, вступило в совершенно новый мир, мир отношений. В этой обстановке крайне важно сохранить все то лучшее во взаимоотношениях между народами - дружбу, мир, согласие и, в то же время, восстановить нарушенную историческую справедливость, что поможет преодолеть накопившиеся в прошлом обиды, сделать нас более терпимыми к друг другу. Наша книга - это воспоминания и память. Хотелось бы склонить голову перед ушедшими и живыми, которые в тяжелейшие времена не только не согнулись под грузом несправедливости и обвинений, обрушенных на них, но и имели мужество жить, сохраняя чувство долга и ответственность за будущее своего народа, за умирающий родной язык, за национальную культуру.

Кобер Валентина Константиновна.

Из истории формирования немецкой общины города Котласа

В 1929 году первые партии крестьян, так называемых кулаков и подкулачников, были лишены всего своего имущества, земель и отправлены в отдалённые районы страны. Приказом ОГПУ № 44 - 21 от 2 февраля 1930 года к таким районам был отнесён Европейский Север. Только в 1930 - 1931 годах сюда было вывезено 55210 семей (около 230 тысяч человек). На территории Котласа был организован пересылочный лагерь Макариха. В числе раскулаченных и высланных в Котлас людей были этнические немцы. Из Республики немцев Поволжья привезли на Макариху семью Крейдер. Шефер, Кайель и Крис до раскулачивания жили в Саратовской области. В 1930 году из села Рейнсфельд Куйбышевской области на Север была отправлена семья Ракко.

С Макарихи людей отправляли по рекам дальше на Север, в лесную глухомань добывать «зелёное золото». Семья Шефер попала в Ленский район, Козьминский сельсовет - строить посёлок. Семьи Кайель и Криса - в глухой посёлок Рябове. Жизнь в лесных посёлках была очень тяжёлой: непосильный физический труд, голод, полное отсутствие бытовых условий.

Новая волна этнических немцев оказалась в нашем крае в связи с начавшейся войной. Это были трудармейцы. Многие из котласских трудармейцев до войны проживали на территории Поволжья, затем были депортированы на Алтай, уже оттуда призваны в Трудовую армию.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) 26 августа 1941 года принял Постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». Согласно этому постановлению, переселению в Красноярский и Алтайский края, в Омскую и Новосибирскую области, в Казахскую ССР подлежали все без исключения немцы. Видимость законности готовившемуся гигантскому репрессивному мероприятию придали официально опубликованный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Этот документ о депортации безосновательно утверждал, что в районах Поволжья

«имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья». Депортация была проведена в период с 3 по 20 сентября 1941 года. В ходе выселения, 6 сентября 1941 года, Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) Республика немцев Поволжья была ликвидирована.

Карл Егорович Узингер, Альфонс Иоганнесов Шельгорн, Генрих Генрихович Кинд были депортированы на Алтай, оттуда как трудармейцы направлены на строительство железной дороги в Котлас. Трудармейцами стали немцы, проживающие в Архангельской области из числа репрессированных ещё в 30-е годы. Это были мужчины семьи Крейдер из Сольвычегодска, Яков Иванович Шефер Ленского района, Гильдернштерн Герман Альбертович из Котласа, Ракко Пауль Августович из Няндомского района, Эпп Эрнест Иванович из Плесецкого района и другие. Готлиб Готлибович Вельш вспоминает, что осенью 1941-го его отозвали в трудовую армию из действующей армии.

Карл Узингер вспоминал: «Приехали в Котлас 22 я варя 1942 года в «телячьих» вагонах по 50 человек. Жили в овочехранилищах». Особое значение придавалось строительству железнодорожного моста через

Северную Двину. На левом берегу работали заключённые, на правом - трудармейцы, в основном немцы. Тоже зона была, охрана, той лишь разницей, что режим был посвободней. С родными переписывались, посылки получали. Но за пределы зоны выйти не могли. На вышках в охране трудармейцев стояли женщины с винтовками. Работа шла круглосуточно. Смена была 12 часов. Строители моста работали вручную - тачкой да лопатой. Многие надрывались и умирали. От непосильного труда скончался молодой Фёдор Крейдер. Весной 1942 года разразилась эпидемия дизентерии. Карл Вибе вспоминал: «Каждую ночь из зоны вывозили нагруженные горой трупов транспортные сани. О гибели родным не сообщали. Но и в этих условиях мы продолжали работать на победу».

продолжение в следующем выпуске «КК»

Невыбранное время, неожиданная судьба

(Из истории российских немцев в г. Котласе и Котласском районе)

Из истории формирования немецкой общины города Котласа

Голод был постоянным спутником трудармии. Карл Узингер вспоминал: «Три раза кормили: баланда из капустного листа, ржаной муки, черпачка растительного масла. Собакам охранники варили кукурузную кашу. Нашу баланду собаки не ели». М.К. Эпельбаум рассказывал: «В столовой давали пайки. Придешь на нары, две печки на барак, все к печкам стараются. В баланду добавляют воды (кипяток) и крошат хлеб. Всё кипятится, хлеб разбухает, разваривается, получается клейкая масса. Садятся на нары и долго, около часа, едят. Ложки были соскребены до половины. Целой не было ни одной». Свидетельница событий Валентина Ан вспоминала: «Когда началось строительство моста, мы с родителями жили в своём доме возле зоны. Трудармейцев мимо нас проводили. Однажды один немец из строя выбежал - и к нам в холодный коридор, схватил с полки кринку с молоком и стал жадно пить. Вбежал конвоир и хотел ударить его прикладом. Но мы мамой упростили охранника, чтобы дал ему допить. А когда он его уводит стал, мы увидели, что у немца за пазухой, из-под ватника,дохлая крыса торчит. Задеревенела вся, хвост как вица. «За чем она тебе?» - спросил конвоир. «Кусать (кушать) буду», - ответил он.

Карл Узингер одежду строителя описывает так: «Выдали казённую одежду: чуни из автомобильных покрышек, ватные телогрейки перешивали из старья, так что рукава были разного цвета. На голове - шапка ушанка без меха». В отличие от заключённых, немцы - трудармейцы могли получать тёплые вещи в посылках из дома. «Но голодные люди чаще всего обменивали их на еду», - вспоминал М. Эпельбаум.

Движение по мосту через Северную Двину было открыто в рекордно короткие сроки. В августе 1942 года мосту прошли первые поезда. В 1943 году все деревянные конструкции заменили на металлические. Людей погнали дальше на Север. Яков Иванович Шефер вспоминал, его перевели в Ижемское отделение на строительство паровозоремонтного завода. Затем он «строил дома железнодорожникам, строил станции по железной дороге до «Княж погоста». Пётр Иванович Этлер был отправлен в Жешарт на заготовку дров для поездов.

Трудовой мобилизации подлежали мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины - немки в возрасте от 16 до лет. В Архангельской области женщин чаще всего направляли на лесоповал.

Готлиб Готлибович Велын вспоминал: «Самоотверженно работали трудармейцы. Но каждый из них переживал душевные муки в связи с двойственностью положения российских немцев (общая с врагом нацио-

нальность), с недоверием, с огульным обвинением». «К нам, немцам, отношение было всякое, нечего скрывать. Помню, в сорок четвёртом году заведующая горздравотделом Котласа замуж вышла за немца, за нашего, советского, так её из партии исключили - вспоминал Альфонс Шельгорн.

В 1945 году война закончилась, но ещё более трёх российские немцы оставались мобилизованными в труде армии. 26 ноября 1948 года вышел Указ Президиума СССР «О закреплении немцев в местах поселения», которым устанавливался комендантский режим спецпоселений Лагерный режим заменялся комендантским надзором, при котором нельзя было без специального разрешения сходить даже в соседнее село. Трудармейцы стали спецпоселенцами Котласа и Котласского района.

В январе 1946 года произошло третье массовое заселение Котласа и района советскими немцами. Это были немцы - репатрианты. До начала Великой Отечественной войны они проживали на Украине (Житомирская область, Николаевская, Одесская и др.). Оказавшись в оккупации, они насильственно были вывезены немецкими властями на принудительные работы в Германию, Польшу и другие страны (таких людей называли «перемещёнными лицами»).

Некоторые из российских немцев с приближением фронта в 1941 году пытались уйти с Красной Армией. Семья Зивертов проживала в Винницкой области. Далеко уйти им не удалось: слишком стремительно наступала немецкая армия. Вернулись домой. С августа 1943 года по май 1944 проходила широкомасштабная эвакуация с территории Рейхскомиссариата Украины. Семья Зиверт оказалась в Чехии недалеко от Праги. Гильда Теодоровна Шильман вспоминает: «Немецкие власти вывезли нас насильно в Германию. До станции ехали на своих лошадях. Затем посадили в вагон без крыши. Дед не доехал: холодно, астма. Умер в дороге. Бабушка умерла в Германии».

В семьях Зиверт и Шильман отцов не было. Они были репрессированы ещё в 1937 году. Все тяготы легли на плечи женщин. Их переселяют из города в город. Случалось попасть под воздушные налёты.

Другие немецкие семьи уходили на своих лошадях с обозом. Фишер Иосиф Иванович вспоминает: «Из Одесской области всех обозом отправили в сорок третьем году в Польшу, а потом уже в Германию». Христианович Морлок рассказывает: «Жили в Молдавии, село Нейдер, шесть улиц. Жили в селе одни немцы. Чистота, порядок. Был большой кирпичный дом, подвал, там вино. Две лошади, корова, поросята. В сорок четвёртом году стали на лошадях

уходить от войны. Сначала в Венгрию, затем в Польшу. Там отца забрали на фронт, а семью увезли в Германию».

Таким образом, к концу войны многие российские немцы оказались в Германии. Как они там жили? Рассказывает Гильда Шильман: «Старшая сестра Адина работала у бауэров. Четверо младших ходили в школу. Немцы нас за немцев не считали. Называли нас «чёрными немцами» или «грязными русскими». Но не голодали. В Германии мы были одеты по-людски. Мать следила, чтобы ходили чистыми».

Семью Рейдер вывезли сначала в Польшу, оттуда в Германию. Завели в тоннель под землёй. В огромном зале стояли огромные ванны. Женщин и детей - всех загнали в эти ванны, после выдали какую-то старую одежду и вывели строить. Прибывших уже ждали хозяева, у которых предстояло работать. Семья Рейдеров попала на ферму под Берлином. Кормили хоть и не сытно, но большого голода не испытывали. Когда война закончилась, хозяйка уговаривала Евгению Редер остаться, пугала, что не до мной, а Сибирь угонят и саму, и детей её. Всё напрасно. «Дом у нас там остался. Глядишь, и муж вернётся, и сыновья - вся семья опять соберётся. Поедем».

Возвращение вышло праздничным, но только до Москвы. В столице под дулами винтовок их пересадили в «телячьи» вагоны и отправили на Север, в Котлас. «Вагон качало, колёса стучали, а поезд катил без остановок. Я лежал на верхних нарах и просил, чтобы сестра сварила картофельный суп. Так и не дождавись, засыпал голодным. Наконец, поезд остановился, двери раскрылись, и дохнуло морозом...», - вспоминал Эрвин Фридрихович Гарвард. О прибытии в Котлас вспоминает Гильда Шильман: «Привезли. Длинный состав. Как выгрузились, было людей, как муравьев. Подводы подходили, людей развозили: в Лименду, в Сергеево, в Антоново на Вотлажму. А нас на Макарихе оставили». В Котласском районе немцев расселили в одиннадцати населённых пунктах: в Сольвычегодске, Котласе, в деревне Выставка, спецпосёлках Лименда, Кирпичный завод, лесобиржах Хвостик, Головка, Макариха, Болтинка, лесопунктах Согдунский, 21-й километр.

На Угольном были рубленные бараки. На Головке (Лименда) спецпоселенцы жили в бараках гостиничного типа.

Внутри был длинный коридор, по обеим сторонам двери в комнаты; На всех обитателей - один туалет. В одной комнате ютилось по несколько семей. Спали на двухэтажных нарах. Матрацы наполняли стружкой. Постельное бельё отсутствовало. Жильё обогревалось железной печью. Люди становились в очередь, чтобы приготовить еду. Денег на дрова не было, поэтому ночью, рискуя жизнью, поселенцы разбирали старые заборы. Зимой, затопив печь, люди ложились спать, а к утру вода в ведре замерзала, волосы примерзали к подушке. Но и барачников не хватало. Семье Шильман пришлось ютиться сначала в свинарнике. Загоны, предназначенные для свиней, отгораживали досками, оклеивали газетами.

«Одеться было не во что. Не было сменного белья. Мама нас вымоет и завернёт в одеяло голых, затем стирает наше бельишко. На ноги нам сшили бурки - ватные простроченные матерчатые сапожки, которые носили с калошами», - вспоминает Роза Оттовна Стенина (урождённая Кепплин). Эрвин Фридрихович Гарвард вспоминал, что в январе на ногах у него были только деревянные башмачки. Гильда Шильман рассказывает, что было ужасно холодно, а одежды, подходящей для морозной зимы, у них не было. Одеты были в тонкие ботиночки. Валенки и фуфайки они впервые увидели в Котласе. Мать спасала детей от холода, закутав всех чет-

верых в перины. Кому-то приходилось обматывать ноги бумагой, а сверху тряпками.

В 1947 году начался страшный голод. На иждивенца выдавалось 150 граммов хлеба и один стакан крупы. Люди умирали почти каждый день. Выход за пределы посёлка был запрещён, но спецпереселенцы уходили, чтобы выменять последние вещи на картофель, брюкву и другие продукты. Дети искали прошлогоднюю картошку. Картофельные очистки заново чистили и заправляли ими суп. На рыбьем жире жарили крапивные котлеты. Многие травились грибами, потому что их не знали. Ели подорожник. В 1947 году семьи немцев - спецпереселенцев понесли тяжёлые потери.

От голода умерла мать Христиана Христиановича Морлока В документе о смерти запись: дистрофия III степени. В семье Гудаченко умерла бабушка. У Адама Евгеньевича Вейге умерли все братья и сестры. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1946 года говорил, что Переселение было проведено навечно. Попытка оставить отведённое место каралась двадцатью годами каторжных работ. Только в 1955 году немцы были сняты с учёта спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органами МВД.

Клапюк

М.В.

Учитель истории СОШ №17.